

Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека

В.А. Емелин Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Поступила: 12 сентября 2012 / Принята к публикации: 18 октября 2013

Cyborgization and disability of technologically extended human

V.A. Emelin Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: 12 september 2012 / Accepted for publication: 18 october 2013

Человеческое, слишком человеческое и Функциональное, слишком функциональное действуют в тесном сообществе: когда мир людей оказывается проникнут технической целесообразностью, то при этом и сама техника обязательно оказывается проникнута целесообразностью человеческой – на благо и во зло.

Ж. Бодрийяр

В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу.

М. Хайдеггер

Спасет технология человечество или уничтожит его? Этот страстный спор регулярно всплывает на поверхность общественной жизни, пожалуй, с тех самых пор, когда были осуждены на казнь луддиты... Этот резкий спор привел к абсурдной поляризации мнений, однако столь крайние взгляды на технологию либо как на спасительницу, либо как на разрушительницу, говорят лишь о слепой вере и страхе, которые мы проецируем на технологию, подвергая ее тем самым культурному обожествлению.

Дж. Нейсби

В статье обсуждаются проблемы киборгизации и инвалидизации как следствий технологического расширения человека. Под киборгизацией понимается процесс сращивания человека и машины, который сопровождается замещением технологиями натуральных функций тела и разума человека. Технологические медиумы становятся неотъемлемыми протезами человека, а их утрата приводит к его инвалидизации и ставит под угрозу его идентичность. Осмысление влияния технологий на человека информационного общества предлагается начать с отрицания подхода, основывающегося на их нейтральности к человеку. Выделяется три основных тенденции в отношении к современным технологиям. Первая сводится к полному их отрицанию и представлению в качестве враждебной для человека силы (неолуддизм); вторая основывается на максимальной конвергенции человеческого и машинного разума (трансгуманизм), а также выделяется промежуточная позиция, предлагающая поиск соразмерного, «мирного» сосуществования человека и технологий, и выработку механизмов адаптации к технологической реальности информационного общества.

Автор задается вопросом: сможет ли идея Хайдеггера о том, что техника стала для европейского человека его судьбой, вызовом его бытию, помочь нам в поиске возможности ухода от фатальных сценариев развития отношений слишком технологизированных людей и слишком очеловеченных машин? Поиск ответа на другой вопрос: сможет ли сделать человека счастливым сращивание с технологиями, становится ключевым в понимании дальнейших путей развития технологического расширения человека. Вывод можно сделать только один: оставаясь тайной с точки зрения понимания ее непостижимости или мечтой о ее познании и подчинении технологических достижений, техника всегда остается разделенной с человеком.

Ключевые слова: трансформации идентичности, информационное общество, техника, технологические расширения, киборгизация, инвалидизация, неолуддизм, трансгуманизм.

The article discusses the problems of cyborgization and disability as a consequence of technological extensions of human. Cyborgization is the process of combining man and machine, which is accompanied by substitution of natural body functions and human mind. Technological media have become integral human prostheses, and their loss leads to disability of a human and poses a threat to his/her identity. Understanding the impact of technology on a human being a representative of the information community is supposed to begin with rejecting an approach based on their neutral attitude to a person. There are three main trends in modern technology. The first one is the complete denial of the latter and is deemed as completely hostile to a person (neo-luddism), the second one is based on the maximum convergence of human and machine intelligence (transhumanism), and the third one is the intermediate position which dwells upon "peaceful" coexistence of human and technology, and development of mechanisms to adapt to the technological reality of the information society.

The author wonders whether M. Heidegger's idea that technology has become a European man's destiny and challenge of being can help us find the possibility to avoid fatal scenarios of developing relationship of extremely technologically extended human and extremely humanised machines. Finding an answer to another question whether it is possible to make a person happy with the merging of technologies is the key to understanding further development of technological extension of humans. There can be only one conclusion: remaining an enigma for its incomprehensible nature or a dream of perceiving it and submission of technological advances, the technology and a human being always remain separated.

Keywords: transformation of identity, information society, technology, technological expansion, cyborgization, disability, neo-luddism, transhumanism.

Сегодня можно смело говорить о симбиотическом сосуществовании человека и технологий. Впервые этот феномен был отмечен в статье Джозефа Ликлайдера «Симбиоз человека с машиной» (Ликлайдер 1960, С. 4-11), в которой описывается картина тесного взаимодействия «живущих совместно» человека и компьютера, где машинному интеллекту отводилась существенная роль для расширения и интенсификации человеческого разума. Спустя полвека предсказанный машинно-человеческий симбиоз стал свершившимся фактом. Сверхтехнологичные медиумы незаметно и мягко обволакивают нас, вплетаются в повседневность, расширяют организмы, становятся плотью, кровью и нервами. Срачиваясь с технологиями, человек оказывается на пороге превращения в киборга. Сам этот термин (сокращение от англ. cybernetic organism – кибернетический организм) введен инженером Манфредом Клайнсом и психиатром Натаном Клином в 1960 году, в связи с разработкой концепции расширения возможностей человека для выживания вне Земли (Клайнс, Клин 1960, С. 27-31). Эта концепция явилась результатом размышлений на тему необходимости более близких отношений между человеком и машиной (по мере того как космические исследования становились реальностью). Процесс срачивания человека и машины есть не что иное, как киборгизация, и правильным будет признать, что киборгизация сегодня является объективным процессом.

Процессы киборгизации протекают в нескольких направлениях. Первое из них находится в биологической плоскости и связано с решением проблем, вызванных утратой органов человеческого организма или части их функций и заменой их искусственными имплантатами или вживлением управляющих микрочипов. Сейчас примерно каждый десятый житель высокоразвитых стран имеет синтетические протезы и имплантаты – кардиостимуляторы, дефибрилляторы, сердечные клапаны, коленные суставы, не говоря уже о силиконовых дополнениях. Крупнейший аналитик современности, профессор Кембриджского университета Стив Хокинг заявил, что лет через 20-30 эксперименты по вживлению микрочипов в человеческое тело и замена естественных органов на

искусственные завершатся полной победой человека-киборга над Homo sapiens (Кузина, 2004).

Сверхтехнологичные медиумы незаметно и мягко обволакивают нас, вплетаются в повседневность, расширяют организмы, становятся плотью, кровью и нервами. Срачиваясь с технологиями, человек оказывается на пороге превращения в киборга

В основе второго направления киборгизации лежит другая идея. Речь идет о дополнении возможностей здорового и физически полноценного человека некими механическими, электронными приспособлениями, которые входят в тесный контакт с его телесностью. Главным плацдармом внедрения кибер-технологий, впрочем, как и других инноваций, выступает поле войны. Сегодня для увеличения боеспособности человека активно применяются технологии, цель которых – увеличить его натуральные возможности путем максимального слияния с технологическими расширениями. Примером таких расширений является специальная военная экипировка, обеспечивающая не только использование включенных в нее электронных средств управления, обзора и навигации (вплоть до того, что боец может посмотреть

человека с искусственными протезами, которые могут расширить его возможности эффективного решения тех или

иных задач, либо заменить утраченные органы на искусственные.

Не затрагивая пока появления как будто сошедших со страниц фантастических романов кибернетических организмов, обратим внимание на незаметное, но активное замещение интеллектуальных способностей человека различными умными машинами и технологиями. Эти технологии постепенно, но эффективно окружили нас своей заботой, без которой нам, еще недавно не знавшим возможностей простого решения не всегда сложных задач, все сложнее обходиться. Так, калькулятор подменяет способности считать в уме, пульт дистанционного управления делает ненужным «излишние» телодвижения, автоматическая проверка орфографии и исправление грамматических ошибок в современных текстовых редакторах порождает небрежное от-

Обратим внимание на незаметное, но активное замещение интеллектуальных способностей человека различными умными машинами и технологиями. Эти технологии постепенно, но эффективно окружили нас своей заботой, без которой нам, еще недавно не знавшим возможностей простого решения не всегда сложных задач, все сложнее обходиться

на мир сквозь дуло своей винтовки), но и увеличение мускульной силы человека за счет, например, экзоскелета – устройства, повторяющего биомеханику человека для пропорционального увеличения усилий при движениях (Ищенко, 2009; Токарев, 2003).

Эти направления киборгизации объединяет то, что они являются реальным воплощением идей слияния организма

ношение к соблюдению правил написания, миниатюрные микрофоны, прикрепленные к телу артистов театра, делают ненужным усилия по озвучиванию зала, презентация PowerPoint, если не убивает практику устного доклада, то существенно трансформирует ее в иную плоскость. Компьютерные приставки убили смысл культуры игры, GPS навигация фактически делает ненужными способ-

Вадим Анатольевич Емелин –

кандидат философских наук,
доцент факультета психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: emelin@mail.ru

ности ориентироваться на местности, мобильный телефон свел на «нет» тактильность общения, а встроенная в него записная книжка сделала ненужными ряд функций памяти. «Если люди придумывают или создают «умные» машины, то делают это потому, что втайне разочаровались в своем уме или изнемогают под тяжестью чудовищного и беспомощного интеллекта; тогда они загоняют его в машины, чтобы иметь возможность играть с ним (или на нем) и насмехаться над ним. Доверить свой интеллект машине – значит освободиться от всякой претензии на знание...» – так обозначает факт технологической зависимости Жан Бодрийяр (Бодрийяр 2000, С. 76).

Он говорит о формировании «Чело-

Слепая вера в безграничные возможности машин приводит к нивелированию умственных способностей, а вместе с ними и ответственности человека – «чтобы машины все время казались умными, люди сознательно деградируют». Примеры тому – власть алгоритмов, определяющих кредитные риски (одна из причин мирового кризиса), стандартизированные тесты, задающие уровни оценки образованности учеников, поисковые машины, дающие неверифицированные ответы на наши запросы

века Виртуального», неподвижно сидящего перед вычислительной машиной, занимающегося любовью посредством экрана, приученного слушать лекции по телевизору и, как следствие, страдающего от дефектов двигательной системы, несомненно, связанных с мозговой деятельностью. Подобно тому, как очки или контактные линзы в один прекрасный день станут интегрированным протезом, который поглотит взгляд, мы можем также опасаться, что искусственный интеллект и его «технические подпорки» станут протезом, не оставляющим места для мысли (Бодрийяр, 2000, С. 76).

Продолжая логику опасений Бодрийяра Джарон Ланир (Jaron Lanier) отмечает, что слепая вера в безграничные возможности машин приводит к нивели-

радируют». Примеры тому – власть алгоритмов, определяющих кредитные риски (одна из причин мирового кризиса), стандартизированные тесты, задающие уровни оценки образованности учеников, поисковые машины, дающие неверифицированные ответы на наши запросы. «Действительно ли поисковик знал, что вам нужно, или вы подыгрываете, снижая стандарты, чтобы он казался умным? ... Чтобы человек рассматривал разум машины как реальный, требуется ослабить собственную связь с реальностью» (Ланир, 2011, С. 58)

Технологии стали продолжением человека, средством расширения его физических способностей и интеллектуальных возможностей, они изменили

саму топологию субъекта, стали выполнять роль трости в руке слепца. «Человек, использующий для ощупывания объекта зонд, парадоксальным образом локализует свои ощущения не на границе руки и зонда (объективно разделяющей его тело и не его – зонд), а на границе зонда и объекта. Ощущение оказывается смещенным, вынесенным за пределы естественного тела в мир внешних вещей. Зонд, включенный в схему тела и подчиненный движению, воспринимается как его продолжение и не объективируется» (Тхостов, 1994, С. 3). Точно так же современные технологии, по мере их освоения человеком, объективируются им все в меньшей степени.

Освоение любой новой технологической формы так или иначе приводит к ее

новая технология в ходе ее использования модифицирует человека, который, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек подобно пчеле оплодотворяет машинный мир, позволяя ему размножаться и создавать новые формы. В итоге постоянное взаимодействие с технологиями привязывает человека к ним как некий «сервомеханизм» (Маклюэн, 2003, С. 56). Новейшие средства коммуникации – мобильные телефоны, компьютерные системы, цифровое телевидение, игровые приставки предполагают максимальную интерактивную связь с пользователем, становясь его неразрывными частями, органами, нервами. Предельно расширив мир человека, покорив пространственно-временные границы, сделав возможным мгновенный доступ фактически к любым востребованным данным, технологии XXI века по сути делают человека своим придатком, добровольно (взаимно добровольно) отдавшимися им в соблазне получить новую информацию, удовольствие и, в конечном счете, власть. Все каким-то образом перемешалось, и уже не технологии являются артефактами, а человек превращается в артефакт технологий.

Современный мир, а вместе с ним человек информационного общества оказались в паутине сотовой связи, кабельного телевидения, глобальных систем навигации и, особенно, Интернета. Портативный, а лучше сказать «нателный» компьютер, подключенный к интернету, стал наиболее ярким воплощением идеи М. Маклюэна о взаимопроникновении средств коммуникации или их гибридного смешения, под которым он понимал не просто встречу нескольких медиумов, а новое качественное образование – «момент истины и откровения, из которого рождается новая форма» (Маклюэн, 2003, С. 67)

Это лишь одна из иллюстраций новорожденных союзов между различными технологическими новациями. Сегодня крайне трудно демаркировать еще вчера отдельно воспринимаемые технологии. Время отдельно стоящих HI-FI компонентов уходит в роскошное аналоговое прошлое – на смену приходит организованное вокруг компьютера новое поколение аудио-видео гаджетов, в основе которых унифицированные цифровые начинки и возможность беспроводной связи. Постепенно стираются грани, которые позволяли человеку понять, где

Предельно расширив мир человека, покорив пространственно-временные границы, сделав возможным мгновенный доступ фактически к любым востребованным данным, технологии XXI века по сути делают человека своим придатком, добровольно (взаимно добровольно) отдавшимися им в соблазне получить новую информацию, удовольствие и, в конечном счете, власть

лированию умственных способностей, а вместе с ними и ответственности человека – «чтобы машины все время казались умными, люди сознательно де-

интериоризации и, как следствие, к видоизменению восприятия человеком реальности сквозь призму новых возможностей. Согласно М. Маклюэну, каждая

заканчивается телевизор, видеоплеер, проигрыватель дисков и начинается компьютер или где сотовый телефон перестает быть тем же фотоаппаратом, аудио-видео плеером и даже персональным компьютером. На пороге стоят идеи «умного дома», где компьютерная техника будет обеспечивать оптимальное и, главное, автономное функционирование бытовых приборов, обеспечивая все большую свободу и, вместе с тем, отрешенность от действительности человека. При этом зачастую опускается из вида то, что человек является неотъемлемой частью этого техногенного гибрида, что именно люди являются теми узлами, которые имманентно вплетены в окружающие сети.

Вместе с поколением новых машин неизбежно приходят новые поколения людей с присущей им технологической толерантностью и устойчивой зависимостью от своих технологических продолжений. Полученные гибридные формы обретения идентичности в союзе людей и машин уже не кажутся фантастическими прогнозами. Технологически расширенные индивиды формируют новые типы социокультурных идентичностей, которые Гутвальд Рейнгольд назвал «умные толпы». По его мнению, «умные толпы состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Люди, составляющие умные толпы, сотрудничают невиданным прежде образом, благодаря имеющимся у них устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления... Соединяя осязаемые предметы и места нашего обитания с Интернетом, портативные средства связи превращаются в нательные дистанционно управляемые устройства физического мира» (Рейнгольд, 2006).

Примером таких «умных толп» могут послужить группы людей ситуативно саморганизованные с помощью мобильных электронных технологий для решения тех или иных конкретных задач, в том числе для достижений определенных политических целей (Емелин, Тхостов, 1 2010). Так это было, например, во время панарабской революции. Сегодня телекоммуникационные технологии являются действенным инструментом организации людей в «виртуальные стаи», по сути, в сообщества киборгов, так как в основе коммуникации членов этих сообществ лежит определенная техноло-

гия, без которой само существование, функционирование и идентичность этих групп были бы не возможны. Виртуальные стаи – это общности, выстраиваемые вокруг интернет-порталов, социальных сайтов и сетей, тематических форумов и других интернет-пристанищ для создания новых типов интеграций, порожденных информационными технологиями.

Таким образом, киборгизация есть не что иное, как замещение техноло-

Вместе с поколением новых машин неизбежно приходят новые поколения людей с присущей им технологической толерантностью и устойчивой зависимостью от своих технологических продолжений. Полученные гибридные формы обретения идентичности в союзе людей и машин уже не кажутся фантастическими прогнозами

гиями функций тела и разума человека и общества в целом. В связи с этим следует вспомнить понятие «самоампутация», под которой Маклюэн понимал процесс перепоручения технологиям привычных действий с целью уменьшения нагрузки на тот или иной человеческий орган. «Любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию или самоампутацию наших физических тел, и такое расширение вонне требует, помимо прочего, новых пропорций или новых равновесий между другими органами и расширениями тела» (Маклюэн, 2004, С. 54). В историческом развитии можно выявить следующую последовательность примеров протезов, обретенных посредством самоампутации: дубина, нож, колесо, рычаг, ..., автомобиль, печатающая машинка, калькулятор, ЭВМ, пульт дистанционного управления, принтер, мобильный телефон, ..., робот, искусственный интеллект. Таким образом, результат самоампутации – это создание нового, технологически расширенного тела в новых физических

Сегодня телекоммуникационные технологии являются действенным инструментом организации людей в «виртуальные стаи», по сути, в сообщества киборгов, так как в основе коммуникации членов этих сообществ лежит определенная технология, без которой само существование, функционирование и идентичность этих групп были бы не возможны.

и психических границах. Безусловно, приобретенные органы соблазняют нас вновь открывшимися возможностями, но при этом мы уже не можем жить без них полноценной жизнью. Наша идентичность

начинает определяться степенью толерантности/слитности с полюбившимися протезами.

В интервью журналу «СТHEORY» Поль Вирильо нарисовал футуристический прогноз, суть которого состоит в том, что в своем развитии технологии сначала оснащают тело как территорию «мостами», «акведуками», «железными дорогами», «автострадами», «аэропортами» и т.д. Затем, наиболее влиятельные технологии становятся тонкими

микротехнологиями, «микро-машинами», способными внедряться и обеспечивать необходимыми возможностями тело. Человеческие импланты становятся микротехнологическими. В ближайшем будущем экология будет иметь дело не только с загрязненными фабриками и дорогами флорой, фауной и воздухом, но и с самим телом человека, а именно – вторжением в него технологий посредством миниатюризации (Вирильо, 1998). Нанотехнологии – следующий этап технологической колонизации тела.

Современные «гаджеты» еще не наноимпланты, но уже импланты нательные, приводящие к распространению зависимости от них. Мы испытываем беспокойство, когда забываем дома мобильный телефон; отключение Интернета воспринимается нами как технотронная катастрофа; потеря «флэшки» может обернуться раскрытием персональной информации; поломка компьютера становится реальной угрозой личному миру, который может быть уничтожен с поте-

рей хранящихся данных; лишение возможности смотреть телевизор вызывает чувство изоляции и ощущение нехватки привычного информационного шума.

Утрату привычных технологических расширений назовем инвалидизацией. Человек, сращенный с технологическими медиумами, становится киборгом. Киборг, лишенный своей «ма-

принцип доступности, телевидение будет иметь мозаичное строение, а Интернет всегда будет базироваться на изоморфности, которая делает невозможность его структурирования и, как

Киборг, лишенный своей «машинной» составляющей тела – искусственных протезов и имплантов, уже не может быть полноценным человеком. Он становится инвалидом. Идентичность расширенного технологиями и потерявшего свою органическую и психологическую самодостаточность человека оказывается под угрозой

шинной» составляющей тела – искусственных протезов и имплантов, уже не может быть полноценным человеком. Он становится инвалидом. Идентичность расширенного технологиями и потерявшего свою органическую и психологическую самодостаточность человека оказывается под угрозой. Технологии, неразрывно включенные в ткань повседневной жизнедеятельности человека, требуют выработки определенных моделей отношения к ним.

Осмысление влияния технологий на общество и культуру мы предлагаем начать с отрицания подхода, основывающегося на их нейтральности по отношению к человеку. Высказывания о том, что сами по себе технологии не хорошие и не плохие, а их ценность определяется тем, какое они получают применение, являются глубоким заблуждением. Высокотехнологичные медиа XXI века еще раз продемонстрировали верность ключевой мысли Маклюэна «The media is the message» – «средство сообщения само является сообщением». Содержание интернет-сайтов, программ спутниковых каналов, телефонных звонков или SMS-сообщений не оказывает на нас такое сильное воздействие как специфика технологической оболочки. Независимо от своей содержательной наполненности рассмотренные технологии несут онтологическую сущность и психологическое воздействие, кото-

следствие, контроля. Все эти имманентные характеристики, так или иначе, несут для безопасности человека скрытую угрозу, понимаемую в самом широком смысле.

Но, если попытаться избавиться, очистить технологии от этих потенциально опасных качеств, то вместе с водой будет выплеснут и «ребенок», так как именно данные качества составляют их суть. Если мы захотим избавиться от доступности, принесенной мобильным телефоном, то вместе с ней потеряем саму возможность мобильности связи. Если попытаться централизовать интернет для того, чтобы поставить надежную препопу нежелательной информации, мы тем самым уничтожим его, получив при этом принципиально иное средство коммуникации с иным, скорее всего тоталитарным, воздействием на индивида. Если мы лишим телевидение мозаичной сетки эфира в благородных целях оградить человека от пустых и зомбирующих каналов, то вместо него получаем радио с изображением – нечто подобное Оруэлловской утопии, обрушивающее монополизированные потоки «правильной» информации. Стремление избавиться от технологических соблазнов столь же тщетно, как и попытки их игнорировать.

Отрицание идеи о нейтральности технологий само по себе является лишь исходной точкой в процессе познания

Главная задача состоит в ответе на вопрос – как человеку сосуществовать вместе с технологиями, не утратив при этом своей родовой идентичности, окончательно превратившись в биологическую «собаку», которой управляет технологический «хвост». Решение этой проблемы напрямую зависит от выработки механизмов адаптации к существованию индивида в новых техногенных условиях информационного общества

рые во многом и определяют особенности их использования. Так, в основе мобильной связи всегда будет лежать

их роли в нашей жизни. Главная задача состоит в ответе на вопрос – как человеку сосуществовать вместе с техноло-

гиями, не утратив при этом своей родовой идентичности, окончательно превратившись в биологическую «собаку», которой управляет технологический «хвост». Решение этой проблемы напрямую зависит от выработки механизмов адаптации к существованию индивида в новых техногенных условиях информационного общества.

Сегодня можно выделить три основных тенденции в отношении к современным технологиям. Первая сводится к их полному отрицанию и представлению в качестве враждебной для человека силы; вторая – диаметрально противоположная – видит в технологиях панацею человечества в решении всех проблем и основывается на максимальной конвергенции человеческого и машинного разума. И та и другая точки зрения предполагают радикальное изменение сложившейся идентичности индивида эпохи информационного общества. Существует и промежуточная позиция, которой придерживается автор. Это попытка выработки соразмерного, «мирного» сосуществования человека и технологий, в процессе которого удастся избежать потрясений идентичности. Рассмотрим эти три тенденции, каждая из которых предлагает свое решение по поиску выхода из нарастающего кризиса, вызванного процессами киборгизации технологически расширенного человека.

Первое видение развития отношений в системе «человек-машина» по сути является современной реинкарнацией идеи луддизма, возникшего в XIX веке как реакции на промышленный переворот, приведший к резкому сокращению количества востребованных работников. Тогда машины заменили ручной труд, поэтому человек решил уничтожить своего автоматизированного «соперника», объявив ему войну, предводителем которой считался некий генерал Лудд. За луддитами закрепилась слава радикального антисоциального движения, но именно ими впервые были поставлены вопросы, которые приобрели особую актуальность в настоящее время. Речь идет о социальных последствиях вмешательства технологий в жизнь человека и о потенциальном ущербе, который они могут принести обществу, в том числе с этической точки зрения. (Феррер, 2012).

Сегодня в современной философии и контркультурных течениях такая точка зрения получила довольно широкое распространение и появились новые машиноборцы - «неолуддиты». По сути, здесь идет речь об одной из очередных попыток переосмысления влияния научно-технического прогресса на будущее человечества, особенно это касается компьютерных технологий. Следует отметить, что современный неолуддизм не представляет собой четко оформленного интеллектуального течения с едиными целями, а представляет собой скорее некое умонастроение как политических движений, таких как зеленые или анархо-примитивисты, так и индивидуалов, среди которых, и рядовые граждане, стремящиеся оградить своих детей от разрушительного влияния телевидения или интернета, и реальные борцы с технологиями, которых скорее можно отнести к технофобам или технотерристам. Наиболее известным из них считается доктор философии в Гарвардском университете Теодор Качинский, разославший в период с 1978 по 1995 год в ряд университетов и авиакомпаний Америки 16 бомб. В СМИ за ним закрепилось прозвище «унабомбер» (University and Airline Bomber – «бомбист университетов и авиалиний»). Он прожил двадцать пять лет в хижине в лесу без техники, что в западном мире стало одним из немногих примеров столь длительного отказа от достижений цивилизации, а также последовательности в отстаивании взглядов – ведь многие причисляющие себя к неолуддитам не прекращают и не думают прекращать пользоваться плодами научно-технического прогресса.

В основе современного неолуддизма лежит заимствованное из футурологических прогнозов, фантастических романов и кинофильмов опасение установления власти машин над человеком. Что касается фантастики, то в сознании людей закрепилось мнение, что многие из фантастических технологий впоследствии обретают реальность, например, как у Жюль Верна. Одно из призваний фантастики – в художественной форме показать возможные, пусть и научно не подкрепленные сценарии развития событий, в том числе и для того, чтобы их избежать. Вспомним известную сагу Френка Герберта «Дюна», где осново-

полагающим принципом космической империи было отрицание «мыслящих машин», которые в далеком прошлом покорили человечество. Идеи войны людей и машин лежат в основе многих фантастических фильмов и сериалов, наиболее известным из которых стала «Матрица». Становясь частью массо-

В основе современного неолуддизма лежит заимствованное из футурологических прогнозов, фантастических романов и кинофильмов опасение установления власти машин над человеком. Что касается фантастики, то в сознании людей закрепилось мнение, что многие из фантастических технологий впоследствии обретают реальность

вой культуры, они формируют опасения по поводу трагической судьбы развития отношений человека и технологий. Но самую значительную роль в развитии неолуддизма играет, как бы это не показалось тавтологично, ... само развитие технологий. «Что делать, когда технологии безумней луддитов?», – задан вопрос Дж. Ланир в процессе анализа влияния идеи «сингулярности» на человека и реальность в целом.

Сингулярность (технологическая сингулярность) – апокалиптическая идея, изначально предложенная Джоном фон Нейманом, одним из создателей цифровых вычислений, и впоследствии разъясненная Вернором Винджем и Рэйем Курцвейлом (Курцвейл, 2006). Существует множество ее интерпретаций, но суть можно свести к следующему. В процессе развития компьютерных технологий возможности машинного разума будут возрастать вплоть до реперной точки, когда сверхразумный интеллект не только превзойдет возможности человеческого, но станет способным создавать свои копии, более совершенные, чем оригинал, в некоторых случаях, интегрированные с человеком (киборги). В 60-е года прошлого века Ирвинг Джон Гуд отмечал, что первая сверхразумная машина станет последним изобретением, которое выпадет на долю человека при условии, что машина будет достаточно покорна и поведает нам, как дер-

сверхразум под контролем, и состоит разумная основа страхов не только неолуддитов, но и любого «нейтрального» по отношению к технологиям человека. Джарон Ланир сравнивает идею сингулярности с идеей Апокалипсиса. Не гарантируя переселение бессмертной души в рай, сингулярность, как и Апока-

липсис, «влечет физическую гибель людей и загрузку их сознаний в компьютер, где они продолжают осознавать себя, или даже аннигиляцию человечества в тот неуловимый миг, который предшествует воцарению на Земле сверхразума. Общим у Апокалипсиса и сингулярности является то, что живых свидетелей их пришествия не останется» (Ланир, 2011, С. 48). На апокалиптических страхах базируется логика неолуддитов – человек должен уничтожить технологии до того, как они уничтожат его идентичность.

Если для неолуддитов технологическая сингулярность стала воплощением ада на земле, то для их оппонентов – трансгуманистов – моментом наступления рая, основанного на реализации идеи полного слияния человека и технологий, где он переходит в новое качество, на более высокий этап антропологической эволюции.

Трансгуманизм представляет собой радикально новый подход к пониманию будущего, основанный на предположении, что человеческий вид является не концом нашей эволюции, а скорее ее началом. Это «рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические

По своей сути трансгуманизм является радикально-технологической версией модернизма, в которой воплощается вера в то, что прогресс, основанный на развитии научного знания и совершенствовании техники, будет способствовать повышению уровня человеческого счастья

жать ее под контролем (Виндж, 2012). Именно в сомнении, удастся ли держать

и психологические возможности человека» (Бостром, 2012). Собственно говоря,

с такой сверхчеловеческой целью трудно не согласиться. Но в слишком высоких и благородных начинаниях всегда сокрыто дьявольское «но». Ловушка трансгуманизма таится в интерпретации технологической сингулярности в качестве начала нового отсчета человеческой истории, причем в оценке этого события главенствуют сугубо позитивные настроения. Для трансгуманистов само понятие «человек» уже выступает в качестве анахронизма. На смену ему технологии приводят трансчеловека (transhuman). Это «переходный человек», самосознающее существо, представляющее потенциальный шаг на пути эволюции в постчеловека. Перефразируя Ницше «человек – это канат, натянутый между обезьяной и человеком» (Ницше, 1990, С. 9), можно сказать, что в трансгуманизме трансчеловек занимает место человека, человек становится обезьяной, а постчеловек – сверхчеловеком.

По своей сути трансгуманизм является радикально-технологической версией модернизма, в которой воплощается вера в то, что прогресс, основанный на развитии научного знания и совершенствовании техники, будет способствовать повышению уровня человеческого счастья. При этом гипертрофируется базовое для модернистской идеологии положение о примате будущего над прошлым. Причем, будущее уже мыслится без господина прошлого – человека, на смену которому должны придти другие технологически улучшенные создания. Трансгуманисты с беспристрастным вожделием описывают высшее существо творения модернистской эволюции следующим образом: «Постчеловек (posthuman) – это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком». И далее: «Постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными

трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни» (Бостром, 2012). Возникает вопрос, не окажутся ли для этих совершенных киборгов не успевшие пройти технологическую инициацию «отсталые» люди обезьянами, которым место в клетках лагерей? Трансгуманизм, несмотря на всю свою риторику человеколюбия, имплицитно содержит в себе тоталитарную идеологию.

Джарон Ланир, почувствовав эту тенденцию, охарактеризовал экстраполяцию идей некоторых разделов информатики на человека как технологический тотализм (Ланир, 2011, С. 45). К последнему Ланир относит идеологию кибернетического мира о возвышении роли компьютеров, объединенных в глобальную сеть; о вычислительных облаках; о ноосфере, которая является глобальным мозгом, состоящим из мозгов всех людей, соединенных посредством Сети. «Человек в данной схеме не представляет собой ничего особенного. Скоро компьютеры станут такими большими и быстрыми, а сама Сеть – настолько информационно насыщенной, что люди превратятся в нечто устаревшее, либо в оставленных, как в апокалиптических романах, либо будут поглощены киберсверхчеловеческим нечем» (Ланир, 2011, С. 50).

В то время как трансгуманисты заявляют о распространении в последние годы трансгуманизма по всему миру экспоненциальными темпами, Ланир констатирует свершившийся провал кибернетического тотализма, вызванный

может проистекать из этой ошибки, состоит в том, что мы становимся уязвимыми для переноса той веры, которую мы называем «надежда», с людей на гаджеты. Второй провал – поведенческий. Разработки, следующие идеалам ноосферы и кибернетического тотализма, естественным образом имеют тенденцию недооценивать людей... Не должно удивлять, что такие разработки укрепляют безразличное или пренебрежительное отношение к людям» (Ланир, 2011, С. 125). Обе ошибки объединяет одно – выхолащивание гуманизма в технологически оснащенном мире, что фактически является симптомом капитуляции человека перед миром машин, с которой многие не хотят примириться. Как иронично заметил Эрик Девис, «если история человечества – это история превращения обезьяны в ангела или, как провозгласил Ницше, зверя в Сверхчеловека, то, по-видимому, на одном из этапов этого пути мы должны побывать машинами» (Девис, 2008). Но может человек еще не готов стать киборгом, а тем более машиной?

Предшествующие рассуждения о технологическом оптимизме и скрытых в нем подводных камнях ограничивались главным образом областью кибернетики и компьютерных технологий, но очевидно, что экспансия киборгизации охватывает более обширный пласт повседневной реальности. Так, если покинуть рафинированное пространство научной лаборатории, пройти через рекреацию и выйти на улицу, спуститься в метро, посетить мегапол и зайти в кафе, то везде мы увидим людей, слившихся со своими гаджетами – телефонами, смартфонами, планшетниками. Когда мы видим молодых людей, не выпускающих из рук своих «электронных слуг», заморожено прикованных (подобно зомби) к их мерцающим экранам, можно с уверенностью сказать – перед нами предтечи постлюдей, которым по прогнозам трансгуманистов возможно будет суждено успеть войти в точку технологической сингулярности. Только вопрос о выходе из нее, по крайней мере, без получения инвалидности, пока остается открытым.

Таким образом, два рассмотренных выше радикала отношений человека и технологий не могут предложить действенных механизмов адаптации человека к технологическим трансформациям.

Когда мы видим молодых людей, не выпускающих из рук своих «электронных слуг», заморожено прикованных к их мерцающим экранам, можно с уверенностью сказать – перед нами предтечи постлюдей, которым по прогнозам трансгуманистов возможно будет суждено успеть войти в точку технологической сингулярности. Только вопрос о выходе из нее, по крайней мере, без получения инвалидности, пока остается открытым.

на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или

двумя основными причинами. «Первая может быть названа духовным провалом... Практическая проблема, которая

циям информационного общества, и главная причина этого заключается в декларируемом наличии дисбаланса между технологиями и человеком. В случае «неолуддизма» чаша весов перевешивает в сторону человека, который при этом становится инвалидом, лишенным ставших привычными ему протезов-гаджетов. В случае «трансгуманизма» более весомой оказывается «чаша» машин, которая обращает во благо своего «прародителя» достижения технологического прогресса с одним маленьким условием – человек должен стать киборгом, пройти таинство «брачного союза» с машиной, плодом которого может стать лишь «Кибер-Франкенштейн». Как уже отмечалось выше, идентичность в любом из этих вариантов развития событий испытывает смертельный удар.

Третий вариант, который и отставляется в данной статье, предполагает равновесие весов, на чашах которых соседствуют технологии и человек. Ключевыми понятиями здесь выступают соразмерность, гармония, и не идет речь ни о какой сингулярности.

Сегодня все чаще звучат идеи о необходимости гармонизации человека и технологий. Джон Нейсбит говорит: «Чем больше вокруг нас сложной техники, тем больше нам нужна человечность» (Нейсбит, 2003, С. 83). Он предлагает в качестве ключевой идеи сосуществования человека и технологий метафору: «высокая технология – глубокая гуманность». Суть ее состоит в способности принять технологию, которая сохраняет нашу человечность, и отвергнуть технологию, которая грубо в нее вторгается. Понять, как избежать отчуждения и изоляции, к которым вынуждают нас высокие технологии, осознать, что технология отнюдь не нейтральна, научиться знанию того, когда включить прибор и когда его выключить, а главное – не переставать придерживаться шкалы человеческих ценностей (Нейсбит, 2005, С. 39-41). Нейсбит предлагает «полюбить» технологию, то есть пропустить ее сквозь призму человечности: «Полюбив технологию, мы будем очень осторожно к ней относиться. Мы не станем прояв-

лять бесшабашность. Осознав суть проблем, и сделавшись восприимчивыми к чужому мнению, мы сможем вступить в диалог относительно будущего технологий. Мы начнем воспитывать власть технологии, вместо того чтобы отрицать ее (как это делают так называемые технофобы) или слепо бросаться в ее объятия (как это делают технофилы)» (Нейсбит, 2005, С. 8).

Джарон Ланир также видит выход из тупика технологического эсхатологизма в предупреждении развития антигуманистической философии, наполнившей сетевую культуру трансгуманистическими идеями ноосферы и сингулярности. «Мы должны задумываться о том, какие цифровые основы закладываем сегодня, чтобы принести пользу будущим поколениям. Мы должны верить, что цивилизация переживет этот трудный век, и приложить некоторые усилия к созданию наилучшего из возможных миров для тех, кто унаследует наши достижения» (Ланир, 2011, С. 39). Несмотря на кажущуюся легкость вхождения техно-

Несмотря на кажущуюся легкость вхождения технологий в обыденную жизнь людей, к ним нужно адаптироваться. Процесс адаптации начинается с понимания глубокой связи человека и технологий

логий в обыденную жизнь людей, к ним нужно адаптироваться. Процесс адаптации начинается с понимания глубокой связи человека и технологий. Хайдеггер писал: «Сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем» (Хайдеггер, 1993, С. 221). Быть может, идея Хайдеггера о том, что техника стала для европейского человека его судьбой, вызовом его бытию, поможет нам найти возможность избежать фатальных сценариев развития простых отношений слишком технологизированных людей и слишком очеловеченных машин.

В «Недовольстве культурой», ставя под сомнение возможность обеспечения подлинного счастья человека технологиями, Фрейд говорил вполне современные слова: «Человек стал, так сказать, богом на протезах, величественным, когда употребляет все свои вспомогательные органы, но они с ним не срослись и доставляют ему порой еще немало хлопот. Грядущие времена принесут новые, непредставимые сегодня плоды прогресса в этой области культуры, они сделают еще большим его богоподобие. Однако ... мы не должны забывать, что при всем своем богоподобии современный человек не чувствует себя счастливым» (Фрейд, 1992, С. 90). Вопрос о том, сможет ли сделать счастливым человека сращивание с технологиями, становится ключевым в понимании дальнейших путей развития технологического расширения человека. Что станет его результатом?

Киборгизированные люди или очеловеченные киборги? Этот радикал просто не оставляет нам выбора, напроць элиминируя человеческую идентичность. И снова избитая всеми Сцилла технологического оптимизма и набившая оскомину Харибда алармистских прогнозов, смотря друг на друга, вождельно задают один и тот же вопрос – как же между нами проплыть? Но, и в том и в другом случае мы имеем дело с гипертрофированным представлением о «потаенности» техники². Оставаясь тайной с точки зрения понимания ее непостижимости или мечтой о ее познании и подчинении технологических достижений – техника всегда остается разделенной с человеком.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №11-06-00733а

² Вспомним Хайдеггера: «техника не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существовании техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины.» (Хайдеггер 1993, С. 225)

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М., 2000.
2. Transhumanist FAQ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq/> . – (дата обращения 18.02.2013)
3. Виндж В. Технологическая Сингулярность – Компьютера ONLINE. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/35636/> – (дата обращения: 12.02.2013).
4. Вирильо П. Кибервойна, Бог и телевидение // Цифровой жук. – 1998. – май.
5. Девис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. – М., 2008.
6. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии. – 2010. – №5. – С. 84-90.
7. Ищенко С. Новая амуниция солдат убивает надежнее вражеской пули– [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/16179/> – (дата обращения: 16.02.2013).
8. Ланир Д. Вы не гаджет Манифест. – М., 2011.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., 2003.
10. Нейсбит Дж., Нейсбит Н., Филипс Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. – М., 2005.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения в 2 тт. Т.2. – М., 1990.
12. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М., 2006.
13. Токарев С. Война, XXI век // Компьютера –2003. – №13 (488).
14. Тхостов А.Ш. Топология субъекта // Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология. – 1994. – № 2. – С. 3-13.
15. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М, 1992.
16. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. – М., Республика, 1993.
17. Clynes M., Kline N. Cyborgs and space // Astronautics. – September 1960.
18. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. – Penguin, 2006.
19. Licklider J. C. R. Man-Computer Symbiosis // IRE Transactions on Human Factors in Electronics, volume HFE-1. – March 1960.

References:

1. Baudrillard, Jean Baudrillard (2000) Prozrachnost' zla [Transparency of Evil]. Moscow.
2. Clynes, M. and Kline, N. (1960) Cyborgs and space. Astronautics, September 1960.
3. Davis, E. (2008) Tehnognozis. Mif, magija i misticizm v informacionnuju epohu [Technognosis Myth, Magic and Mysticism in the information age]. Moscow.
4. Emelin, V.A. Tkhostov A.S. (2010) Tehnologicheskie soblazny informacionnogo obshhestva: predel vneshnih rasshirenij cheloveka [Technological temptations of the information society: the limit of external extensions of man]. Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]. 5, 84-90.
5. F. Nietzsche (1990) Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra]. Sochinenija v dvuh tomah [Works in 2 volumes]. Moscow.
6. Freud, Z. (1992) Nedovol'stvo kul'turoj [Civilization and Its Discontents]. Psihoanaliz. Religija. Kul'tura [Psychoanalysis. Religion. Culture].
7. Heidegger, M. (1993) Vopros o tehnikе Vremja i bytie [The Issue of Technology Time and being]., Moscow, Respublika.
8. Ishchenko, C. (2009) Novaja amunicija soldat ubivaet nadezhnee vrazheskoj puli [New ammunition soldier kills reliable enemy bullets]. Svobodnaja pressa [Free Press].- Electronic resource. – Mode of Acces: <http://svpressa.rusocietyarticle16179/>(date of reference: 16.02.2013).
9. Kurzweil, R. (2006) The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. Penguin
10. Lanir, J. (2011) Vy ne gadzhet. Manifest [You are not a gadget. Manifesto]. Moscow
11. Licklider J. C. R. (1960) Man-Computer Symbiosis IRE Transactions on Human. Factors in Electronics, volume HFE-1, March
12. McLuhan, M. (2003) Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding Media: The Extension of Man]. Moscow.
13. Naisbitt, J., Naisbitt, N., Phillips, D. (2005) Vysokaja tehnologija, glubokaja gumannost': Tehnologii i nashi poiski smysla [High technology, deep humanity: Technology and our search for meaning]. Moscow.
14. Reinhold G. (2006) Umnaja tolpa: novaja social'naja revoljucija [Smart crowd: the new social revolution]. Moscow.
15. A.S. Tkhostov (1994) Topologija sub'ekta [The topology of the subject]. Vestnik Moskovskogo Universiteta [Bulletin of Moscow State University]. Ser. 14 Psychology, 2, 3-13.
16. Tokarev, S. (2003) Vojna, XXI vek [War, XXI century]. Komputerra [Computerra]. 13 (488).
17. Transhumanist FAQ – Electronic resource. – Mode of Acces: <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq/> (date of reference 18.02.2013)
18. Vinge, V. (2012) Tehnologicheskaja Singuljarnost' [Technological Singularity]. Komp'juterra online [Computerra online]. – Electronic resource. – Mode of Acces: <http://www.computerra.ruthink35636/> (date of reference: 12.02.2013).
19. Virilio, P. (1998) Kibervojna, Bog i televidenie [Cyberwar, God and Television]. Cifrovoj zhuk [Digital beetle]. May.